

Глава 4. Фальсификаторы за работой

Язык дан историку для того, чтобы скрыть отсутствие знаний о реальном прошлом.

Почему не существует музыки фальсификации? Потому, что все девять муз активно занимаются подделками.

«Сестра Мельпомены», Славомир Чивобаг,

черногорский просветитель конца 18 века.

Музы воодушевляли людей к занятиям искусствами, одаряют их талантами к поэтическому и иному вымыслу. Сначала были три музы: Мелета – муза размышления, Мнема – муза памяти и Айода – муза песни. Жили они в дописьменный век и как ни старались помогать людям, много не добились. Не было в то время ни поэзии, ни прозы, ни комедии, ни трагедии, ни живописи, ни скульптуры. Никакой, можно сказать, цивилизацией в те времена еще не пахло. И хотя память порой и подводила, мистификации и подлог, обман и фальсификация еще не были особо популярны среди муз. Но обманывать люди уже научились на уровне прозы жизни: и зверей на охоте, и соседнее племя в ходе войны, и соплеменников – при разделе добычи. Но на фоне кровавых драк, убийств и каннибальства обман выглядел тогда невинным развлечением.

Потом у Зевса от музыки памяти, которая к тому времени стала именоваться Мнемосиной, родились девять неглупых дочерей и все они оказались склонными к розыгрышам и выдумкам. к обману и надувательству. Они подросли и поделили между собой те немногие виду искусств и наук, которые к тому времени начали зарождаться. Вообще-то им полагалась поощрять возвышенные занятия, но жизнь у подножья Олимпа была скучноватой, талантливых людей было мало, а вот склонных к обману – хоть пруд пруди. Поэтому у некоторых из сестер, и в особенности у Клио – музы истории, которую еще только предстояло создать, оказалась сильно развитой врожденная склонность к мистификациям и обману, выдумкам и подделкам. Ей усиленно помогали в ее проделках сестры, покровительствовавшие нарождающейся литературе и единственной из доступных наук – астрономии, которой заправляла сестра Клио по имени Урания.

Клио изображали скромно одетой юной женщиной, не расстающейся со свитком папируса, что свидетельствует не о длительности египетской истории, а только о существовании торговых связей между дельтой Нила и созданными романскими феодалами герцогствами на юге Балкан. Не способная прельстить никого своей женской красотой, Клио баловалась розыгрышами и изобретениями, фантазиями и играми на тему «что было бы, если бы». Ей усиленно помогали сестры ее Каллиопа – муза эпоса, которую принято изображать в мечтательной позе с восковой дощечкой и стилем - острой палочкой для письма в руках, а также Полигимния – муза красноречия и сочинителей гимнов, Мельпомена – муза трагедии и Талия – муза комедии. Даже Евтерпа – муза лирической поэзии и музыки не гнушалась участия в проделках Клио. Только Эрато – муза любовного стихоплетства и мимики и Терпсихора – муза танца держались как правило в стороне от баловниц.

Мистификации – проделки муз?

Зевс был, как известно, мужик любвеобильный, и хотя с Ганимедом у него детей не было, как он ни старался, но со временем и Мелета тоже нарожала ему немало дочерей, ставших

покровительницами отдельных наук. Мнемосина ревновала Зевса к своей старшей сестре и поэтому распорядилась так, чтобы имена этих муз остались навеки людям неизвестными. Поэтому мы не знаем, как, например, звали музу сравнительной германистики или музу статики, музу квантовой механики или музу онкологии. Но известно, что и эти кузины девяти знаменитых муз не гнушались фальсификации. И хотя рассмотрение проблематики фальсификации в современной науке и выходит за пределы этой книги, я коротко коснусь и этого вопроса ниже.

Дочерей Айоды от Зевса (неужели вы решили, что он оставил одну из трех сестер без своего интимного внимания?!) постигла та же участь, что и Мелеты: они тоже стали безымянными музами, покровительницами книгопечати и электронных средств коммуникации и хранения информации, живописи и скульптуры, архитектуры и иных прикладных искусств. И они тоже оказались талантливими ученицами мистификаторши Клио. В этой главе я хочу рассказать о проделках Каллиопы и Клио в союзе с некоторыми сестрами и кузинами.

Использование термина «фальсификация» по отношению к описанию прошлого является спорным. Фальсифицировать можно лишь то, что существовало или известно: банкноты, монеты, картины художников и произведения писателей, стиль которых можно имитировать. По этой причине фальсификация имела и имеет место в новой и новейшей истории (см. главу 1 выше). В случае «античной» и вообще «древней» истории правильнее говорить об ее придумывании. Наше отдаленное прошлое не только и не столько описывалось неверно, сколько талантливо создавалось на виртуальном уровне, выдумывалось историческими фантастами.

Так как история – это модель прошлого, а выдумки, не основывающиеся ни на какой аутентичной информации, трудно считать моделью (фантастика – она и есть фантастика, даже если маскируется под научную), то мы можем с определенной натяжкой говорить о фальсификации истории, когда вместо модели прошлого нам пытаются подсунуть исторический роман, никак с реальным прошлым не связанный. Однако нужно учесть, что использование слов «фальшивка», «фальсификация» и «фальсификатор» широко распространены и поэтому во многих цитатах они встречаются, хотя и не выражают суть дела с полной адекватностью.

Важный вопрос: с какого времени можно быть уверенным в том, что выдумывание прошлого, его виртуальной картины закончилось и больше не будет иметь места? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в некотором приближении: приблизительно с 2200-го г. н.э.. Во всяком случае приблизительно к этому времени никого из *ныне живущих* эта проблема не будет больше волновать. Пока же, нужно признать, никакого более скорого конца творчества создателей виртуальной истории ожидать не приходится.

Продолжается изготовление фальшивых картин старых мастеров и фальшивых изображений (чаще всего, выдуманных) исторических деятелей, фальшивых рукописей и фальшивых «античных скульптур». Продолжается переписывание истории в угоду идеологиям и политике. Продолжается фабрикация и текстов, и артефактов (например, фиктивных археологических находок).

Начну с недавнего примера. Солидная консервативная немецкая газета «Ди Вельт». Канун Нового Года. В разделе «Мир компактно» на стр. 32 в номере от 30-го декабря размещена краткая заметка «Подорвано кольцо изготовителей фальшивок». Речь идет о разоблачении израильской полицией банды изготовителей подделок, которые в течение последних 20 лет водила за нос лучших экспертов мира. Преступники продавали в Израиле и во всем мире свои изделия, которые умело выдавали за археологические находки из раннего библейского периода. А так как именно этот период никак не подтверждается археологически, то эксперты по этому периоду старины писали в штанишки от восторга и

платили солидных суммы за подделки. Они характеризовали фальшивки как важнейшие находки за всю историю археологии в Палестине.

Наверняка в ближайшее время в печати появятся подробности об этой некрасивой истории. Пока известно только, что банда состояла из четырех искусных специалистов своего дела. К числу их поделок относился изготовленный из слоновой кости фрукт граната, который ученые зачислили в разряд единственной аутентичной находки из числа реликвий Храма Соломона. Дальнейшие детали будут с интересом восприниматься широкой публикой. Но уже сейчас ясно, что мошенники искусно эксплуатировали слепую, религиозную веру экспертов в виртуальное прошлое, в выдуманную традиционными историками длинную историю, которую даже находящаяся у них под пятой археология не в состоянии подтвердить.

Но, чтобы залатать рваные дыры в теле истории, чтобы дать им обрасти историческим мясом, все методы хороши. И изготовители фальшивок во все времена паразитировали на непролазной глупости историков-фанатиков и бросали им куски желанного исторического мяса, которые те жадно пожирали. И сколько бы разоблачений ни проходило у нас перед глазами, можно быть уверенным, что еще большее их количество давно уже записано в разряд подлинных свидетельств верности традиционной истории и заполняет витрины музеев во всем мире, красуется в качестве иллюстраций в бесчисленных книгах и помогает традиционным историкам спать спокойно и убеждать самих себя в том, что мол их исторические модели подтверждены археологией.

Фальсификатор 19-го века

Здесь я хочу рассказать об одной из известных акций по фальсификации истории, которая обошлась ее главному действующему лицу всего в два года тюремного заключения. Дело в том, что он подделывал не банкноты и не государственные документы, а «всего лишь» письма великих персонажей прошлого. Мой рассказ о мошеннике от истории не является назидательным или укоряющим. Его главная цель -заставить читателя задаться вопросом о том, а сколько менее наглых подделывателей исторических документов или выдумщиков якобы исторических реалий остались не разоблаченными и поставляют и по сей день материал для учебников, по которым учат историю наши с вами дети и внуки.

Речь идет о французе Врен-Дени Лука, выходец из крестьянской семьи (год рождения 1818). Поступив на работу в генеалогический институт, он научился там изобретать льстящие самолюбию клиентов генеалогические деревья. По свидетельству историка Карин Вагнер, которая вот уже три года активно участвует в работе наших Исторических Салонов, и которая более 20 лет посвятила работе в архивах Франции, Германии и Италии и исследованию генеалогических деревьев и генеалогической истории живущих в Германии потомков гугенотов, практически все генеалогические книги полны таких сочиненных на потребу клиентам историй, порой настолько неправдоподобных, что трудно понять, как потомки французских дворян были согласны платить деньги за соответствующие этим сделанным задним числом записям «выписки» из генеалогических книг или за такие генеалогические деревья.

Но вернемся к герою этого раздела. Работая в генеалогическом институте, Лука много читал и нахватался исторических знаний, необходимых для такой работы. Только набравшись основательно опыта в этой области он постепенно занялся изготовлением поддельных писем великих исторических личностей. Так как силен был Лука только в родном французском языке (вот оно следствие трудностей в получении образования низшими слоями общества), то первоначально специализировался на письмах, якобы принадлежащих знаменитым французам Блезу Паскалю и Франсуа Рабле. Написав несколько сот таковых, он изрядно набил руку и выработал собственную технику перекрестной ссылки на более ранние письма.

Когда же в 1861 г. он нашел покупателя для этой продукции в лице известного тогда французского математика и астронома Мишеля Часлэ, пользовавшегося всеобщим уважением члена Французской Академии, он начал расширять список «авторов» своих писем и включил в них постепенно и итальянца Галилея, и англичан Ньютона и Шекспира. Когда же он убедился в том, что покупателя не смущает ни то обстоятельство, что все эти «авторы» якобы прекрасно владели французским, ни хорошая сохранность написанных на бумаге писем, он обратился к «древности» и продал наивному члену Академии 10 писем Платона, 28 Плиниуса, а также письма, библейского Лазаря Петру, Марии Магдалены Лазарю, Клеопатры Цезарю и Александра Македонского Аристотелю. И эти письма тоже были написаны на бумаге и на чистейшем французском языке. К концу 60-х годов 19 в., потратив всего лишь 140.000 франков, его покупатель стал обладателем огромной коллекции из 27 с лишним тысяч писем, включавшей, кроме названных выше, например три тысячи писем Галилея, 1745 писем Паскаля, 622 письма Ньютона и даже некое письмо, якобы адресованное лично Христу.

Если бы Лука происходил из богатой дворянской семьи, окончил бы исторический факультет университета и выучил латынь и греческий, а, может быть, даже и арамейский, насколько полнее были бы сегодня наши представления об античности и истории возникновения христианства якобы в Палестине. Ведь латинские и прочие мало понятные письма покупали бы многие лица, а не только один интересующийся историей математик и астроном.

Лука искусно эксплуатировал французский патриотизм своего покупателя и начинал свои описания разного рода белибердой, призванной задевать струны патриотизма в его душе. Так его Клеопатра в письме Цезарю хвалила климат Марселя и качество образования в галльских школах и сообщала о намерении послать своего сына учиться в марсельский лицей. Из писем Паскаля, якобы написанных им 11-летнему Ньютону, становилось ясно, что Паскаль уже тогда разобрался в природе гравитации и пытался пояснить ее суть юному Исааку. Тем самым приоритет в этой области вернулся во Францию, а Ньютон оказался тугодумом, которому понадобились 35 лет для того, чтобы осознать изложенное ему в детстве Паскалем. Лука знал, что маститый академик немного рехнулся на славе Франции и охотно скупал каждое новое подтверждение ее превосходства над всеми остальными странами.

Однако французский патриотизм покупателя и оказался роковым для фальсификатора. Если Мишель Часлэ еще и был в состоянии довольствоваться распространением информации о франкофильстве Клеопатры в кругу семьи и друзей, то о французском приоритете в области гравитации он не мог не рассказать в Академии. Однако не все его коллеги оказались столь доверчивыми, как он сам, и ему пришлось вести длительные дискуссии с другими академиками, в попытках доказать подлинность содержащейся в письмах информации. Так как сверхприлежный Лука из письма в письмо развивал и расширял выдуманные им темы и приводил все новые и новые детали, то академики в конце-концов сдались и, рассмотрев около 400 «документов», так устали от дискуссий, что признали невозможность фальсификации такого огромного количества новой информации и подписали вердикт об истинности французского приоритета в области силы тяжести.

Большое впечатление на них произвели свидетельские показания автора некоего философского словаря, который использовал коллекцию писем Галилея, Паскаля и античных философов из собрания Часлэ для своего труда и неоднократно писал владельцу ценной коллекции письма благодарности.

Впрочем этот временный успех не надолго помог Луке. Отдельные коллеги продолжали формулировать свои возражения против истинности купленных Часлэ писем и в конце концов им удалось доказать коллекционеру, что его обманули и что вся его коллекция не

имеет никакой ценности. После этого разгневанный академик подал в суд, что и кончилось для Луки двухлетним тюремным заключением. Об этой забавной (или типичной?) истории рассказал литературный критик Вернер Фулд в своей книге «Справочник фальсификаций. Подделки, ложь и заговоры в искусстве, истории, науке и литературе» [Фулд] на стр. 160-162. Рассказал как о забавном единичном явлении, не задавая того вопроса, который интересует меня: не образуют ли разоблаченные фальсификаторы на историческом поприще ту самую палубную надстройку легендарного крейсера «Аврора», у которого весь корпус давно проржавел и был полностью и в тайне от публики заменен на новый. Впрочем здесь подошло бы и сравнение с относительно небольшой надводной частью айсберга, большая часть которого остается скрытой от наших глаз ниже уровня океана. По крайней мере, до фальсификации айсбергов пока никто не додумался.

Апокрифы в 18 в.

Традиция приписывать свои произведения вымышленным авторам отдаленного прошлого не умерла с окончанием эпохи ренессанса. Мистификаторы продолжали приписывать свои сочинения писателям прошлых эпох, иногда называя оных неким вымышленным или уже известным именем, иногда же оставляя их безымянными. Фульд описывает два таких случая из истории английской литературы 18 в.

В 1764 г. некто Гораций Валполь написал исторический роман «Замок Отранто» и сопроводил его таким предисловием с фиктивными данными о происхождении своего произведения:

«Это произведение было найдено в библиотеке одной католической семьи на Севере Англии. Оно было напечатано в 1529 г. в Неаполе готическим шрифтом. Не ясно, когда оно было написано. Стиль повествования можно назвать чисто итальянским. Если эта история была написана в то время, о котором она скорее всего повествует, то это должно было произойти между 1095 г., временем первого крестового похода, и 1243 г.»

Роман имел успех и автору было предложено его переиздать. Скорее всего эта мистификация осталась бы нераскрытой и по сегодняшний день (как сотни и тысячи других), ибо ни у кого она никаких сомнений не вызвала: очень уж привычной была такая форма презентации своих произведений в течение столетий. Однако Валполь зачем-то признал свое авторство в повторном издании 1766 г. и лишил нас навсегда еще одного средневекового исторического романа, а современных нам историков - возможности писать диссертации на тему о достоверности описанных в оном исторических событий.

Не исключено, что история с романом Валполя вдохновила на аналогичные исторические фальсификации молодого провинциального английского поэта и писателя Томаса Чаттертона. Сразу после школы он поступил на работу в Бристоль в качестве помощника адвоката, задачей которого было переписывать старые дела в архиве. Не исключено, что эта деятельность пробудила в нем интерес к прошлому. В свободное от работы время Томас начал писать стихи в подражание средневековым поэтам. Некоторые из них были опубликованы в местных газетах. В апреле 1770 г. он в возрасте 17 лет приехал в Лондон с большим количеством рукописей, многие из которых были написаны от имени выдуманного им средневекового тезки монаха Томаса Роули. Этот монах был якобы поэтом и драматургом, жившим в эпоху королей Генриха 4-го и Эдуарда 4-го.

Еще за два года до переезда в Лондон удивительно рано созревший (в литературном, не в моральном отношении) юноша посылал некому издателю предложение прислать стихотворные произведения своего тезки, якобы тоже жившего в Бристолье, и драматическое произведение, которое, быть может, является одним из древнейших в жанре средневековой драматургии. Издатель не ответил ни на это, ни на следующее

письмо. Тогда в 1769 г. Томас послал пробы своей (пardon, монаха Роули) «средневековой» поэзии непосредственно собрату по перу Валполю. Кроме того, он вложил в свой пакет и некое «историческое сочинение» монаха Роули, в котором доказывалось, что живопись маслом была изобретена в Бристоле неким аббатом Джоном. Дело в том, что Валполь занимался в свое время историей живописи и сформулировал в одной из публикаций неясные вопросы из этой тематики. С юношеской наивностью провинциальный мошенник дал в «труде» своего монашеского тезки прямые ответы на все поставленные Валполем вопросы.

Однако писатель оказался достаточно внимательным, чтобы распознать явную подделку, и по-отечески посоветовал юноше продолжить обучение у адвоката и писать собственные стихи. Все, имевшие дело с Чаттертоном, признавали его литературный талант, но он уже был полностью в плену своей идеи прославиться за счет якобы найденных им средневековых произведений. Под своим именем он ничего публиковать не хотел. Дело кончилось трагически и юный поэт еще до достижения 18-летнего возраста покончил с собой из-за бедности и отчаяния. Его история была положена в основу многочисленных биографических романов, посвященных его трагической жизни и опубликованных в разных странах. Интерес к его личности продолжал существовать и в 20 в. Интересно, что никто из пишущих о нем, не возмущался тем, что он пытался представить прошлое в искаженном виде.

Может быть, и на самом деле, это нечто само собой разумеющееся, что каждый может спокойно создавать некое виртуальное прошлое, и носителями зла являются не населяющие разные века поэтические «творцы» истории, а те, кто объявляет их подделки подделками и, как это делают авторы исторической аналитики, пытается восстановить соответствие наших моделей прошлого ... этому прошлому, а не выдуманному бесчисленными фальсификаторами виртуальному эрзацу.

Поддельные дарственные средневековых императоров и королей

Более двух десятков лет публикует свои книги, написанные на основе многочисленных критических работ, исследователь правовых документов средневековья австрийский профессор-историк Ганс Константин Фаусснер. Теперь ему удалось опубликовать свои выводы в четырех томах, которые по замыслу автора должны составить вместе первую книгу серии его критических книг. Основной свой вывод он формулирует и обосновывает в первом из четырех томов (остальные три тома содержат многочисленные копии дарственных грамот и лаконичные комментарии к ним). Этот вывод гласит: практически все средневековые императорские и королевские дарственные грамоты являются фальшивками, ибо они недействительны с точки зрения правил нотариального оформления и правовых норм того времени, к которому их относят.

Всего им были рассмотрены 6087 таких грамот и только в случае 183 оказалось, что грамоты были составлены грамотно с точки зрения нотариального искусства (что, конечно, не значит, что эти грамоты не являются подделками: Каммейер в свое время пришел к выводу, что все вообще средневековые документы были созданы позже и датированы – если они вообще имеют дату изготовления – задним числом) и, главное, не противоречили правовым нормам, которые ТИ приписывает соответствующим эпохам. Хотя именно анализ средневекового церковного и феодального права и составляет основу критического анализа Фаусснера, я не смогу излагать здесь его аргументацию.

Ограничусь общей формой доверия к эксперту в этом вопросе и замечанием о том, что слово «дарственная» вызывает у Фаусснера колики, ибо речь шла в анализируемом им праве не о дарении, а о даче в пользование на определенных условиях и за определенные ответные услуги. Впрочем, он, постанывая, продолжает - за неимением лучшего - использовать этот широко распространенный неточный термин. Но просит помнить, что в

случае дарственных происходило не дарение, а определенный обмен или даже покупка/продажа.

Нужно сразу подчеркнуть, что Фаусснер не является критиком хронологии. Он – историк средневекового права в его традиционном варианте. Фаусснер полностью признает все выдуманные историками века и тысячелетия и верит почти всему тому, что пишут его коллеги о номенклатуре якобы исторических личностей и событий. Поэтому его объяснение феномена массовой подделки дарственных, на котором мы остановимся ниже, едва ли верно. Для нас однако важен тот факт, что даже при попытке историка честно рассматривать традиционную версию модели прошлого возникают столь крупные противоречия, что появляется необходимость радикального пересмотра большей части исторических представлений.

Выводы Фаусснера перекликаются во многом с таковыми критических авторов, работающими в рамках исторической аналитики. Так, он приходит к выводу о том, что фальшивками являются следующие классические источники по средневековью:

- Биография Карла Великого, написанная Эйнгардом
- Труды «средневековой немецкой поэтессы» Хротсвитц фон Гандерсгейм
- «История саксов» Видукинда

и многие другие.

В своей попытке объяснения феномена массовой фабрикации средневековых королевских и императорских дарственных Фаусснер следует примеру Ардуэна, который приписывал все выдуманные источники о старине одному монастырю и работавшей в ней под руководством одного лидера монашеской писчей палате. Так и Фаусснер считает, что все неправильные дарственные созданы в мастерской или по заказу одного единственного человека – аббата Вибальда монастырей Стабло и Корвей во второй четверти 12 века на основе истинных грамот, которые он велел уничтожить (не ясно, правда, как мог монах, пусть и главный монах известного монастыря, собрать тысячи дарственных и решиться их уничтожить). По версии Фаусснера видные деятели церкви (например, епископы) хранили коллекции дарственных, полученных ими или их предшественниками и после их смерти бывало, что такие коллекции переходили не к наследнику на епископской кафедре, а к другому видному церковному деятелю.

Вибальд из Стабло или Ставелота в Бельгии (якобы 1098 - 19 июля 1158) считается заметным средневековым деятелем, известным членом ордена бенедиктинцев. Происходил он из не особо знатной семьи крупного придворного чиновника, но полученное им блестящее образование, черты характера и прирожденная склонность к дипломатической деятельности якобы способствовали его головокружительной карьере. Он мол был в 1130-37 гг. аббатом монастыря Ставелота, который считается одним из древнейших в Европе бенедиктинских монастырей (якобы основан в 650 г. Святым Ремаклом), сыгравшим важную роль в ранней экспансии христианства на территории Голландии, Бельгии, Франции и Германии. Затем он якобы занял в 1137 году почетный пост аббата в Монтеказино – сегодняшней летней папской резиденции в Италии. Наконец, с 1147 г. до самой смерти он еще по совместительству и аббат монастыря Корвей в северо-западной Германии, который при нем пережил фазу культурного расцвета. Ему приписываются важные дипломатические миссии и контакты с императорами Конрадом 3-м и Фридрихом 1-м Барбароссой. Ему приписываются многочисленные письма.

И вот этот светоч христианской культуры 12-го века был, оказывается, гениальным мошенником, который переписал на свой лад большой кусок европейской истории. А для того, чтобы его выдумки имели под собой солидную базу, он еще, оказывается, сочинял самые разные «исторические» и литературные произведения. При этом Фаусснер

описывает сложные отношения Вибальда с другими деятелями церкви, из которых должно следовать объяснение причин, по которым они получали противоречащие друг другу документам дарственные (мол, с кем в ссоре был, тому и подкладывал свинью).

На самом деле вся эпоха Вибальда, Фридриха Барбароссы относится к числу сказочных периодов истории и сам Вибальд, скорее всего, проекция в прошлое какого-нибудь церковного деятеля эпохи возрождения (быть может, 15 или даже конца 16 века). Никаких оригиналов дарственных он скорее всего не имел и потому не уничтожал, а просто сочинял оные по заказу и за хорошую оплату. Это, скорее всего, относится и к епископу Отто 1-му, который занимал по рекомендации Вибальда кафедру во Фриизинге (сегодня на границе Баварии и Австрии) якобы в 1138-1158 гг. Отто (якобы 1112- 1158) был сыном австрийского маркграфа **Леопольда** 3-го и внуком императора Генриха 4-го и обладал вследствие этого прямым контактом с окружением императора. Это превращало провинциального епископа Отто в важнейшего союзника Вибальда. Отто и Вибальд были участниками одной акции и Фаусснер подробно описывает, какие изменения в законодательстве подвигли их на грандиозную акцию по подделке дарственных грамот с целью добиться важных материальных выгод для своих монастырей, а в случае Отто и для своей епархии.

Книга [Фаусснер1] целиком концентрируется на роли Отто в этой акции. Ему кстати приписывается мировая хроника чисто компилятивного характера. Вскоре после возведении его в епископский сан в 1139 г. Отто и Вибальд запустили акцию по изготовлению фальшивых старых королевских грамот касательно епископства Фриизинга, числом 43. В книге [Фаусснер2] подчеркиваются посредственные исторические знания епископа Отто и приводятся соответствующие цитаты, из которых видно, что Отто вовсю пользовался годами от Воплощения Господа, что служит для меня указанием на позднее происхождение хроники. Да иначе и не объяснить, почему Отто не мог про сравнительно недавнее время, например, про начало 11 века, сообщить практически никаких исторических подробностей. К тому же анализ допущенных фальсификаторами правовых ошибок показывают, что у них не было точных представления о правовой ситуации в эпоху, к которой они относили поддельные грамоты.

До Фульда история с Вибальдом не дошла, но зато есть немало откликов на книги Фаусснера. Среди них особенно выделяется агрессивно-ругательный отзыв некоего церковного деятеля лютеранского толка, напомнившего мне ругань российских традиционалистов в адрес новой хронологии и ностальгически-привычные советские поношения. Да, люди везде устроены одинаково. Я поместил **его** в свое время на нашем форуме в Интернете, но для разбора одного здесь мне не хватает ни места в книге, ни сил. Зато со стороны исторической аналитики последовали весьма детальные представления результатов критической работы, из которых нужно выделить статью Герхарда Анвандера из Мюнхена «Вибальд из Стабло – Ханс Константин Фаусснер: Мужественный исследователь разоблачает гениального фальсификатора.». Статья эта была в сокращенном виде напечатана во «Временных прыжках» и ее можно прочитать в полном варианте в Интернете.

«Античные» китайские рукописи

Весной 1997 г. Британская национальная библиотека сообщила удивленному миру, что в ее собрании китайских рукописей, которые проходили по разряду античных, около шести сотен таковых (повторяю: не одна, не две, а около 600) являются подделками. В каталогах Национальной Библиотеки они занимали почетные места рукописей 4-11 веков, которые выдаются на руки только в читальном зале редких рукописей и только весьма доверенным (проверенным и перепроверенным) читателям с академическими специальностями.

Китайские «античные» рукописи, о которых здесь идет речь, были приобретены за немалые деньги налогоплательщиков у китайца Ченгдуо Линг, считавшегося весьма

серьезным коллекционером, и у его наследников. Выяснилось однако, что все эти манускрипты изготавливались в семейной фирме Линг, начиная с 1911 г. После смерти в 1935 г. знаменитого «коллекционера», изготовившего собственноручно большую часть поддельных китайских античных рукописей, его дело продолжали аж восемь сыновей, своевременно обученных отцом «античному» ремеслу. Процесс изготовления «античных» рукописей продолжался вплоть до 60х годов 20 в.

Конечно, традиционного историка это сообщение не очень сильно взволновало. Подумаешь, какие-то шестьсот рукописей. Да у нас на полке стоят 200 томов других древних китайских рукописей. И каждый, кто посмеет усомниться в их достоверности, будет нами объявлен психически больным и привлечен к суду за злостную клевету на славную братию синологов. Мне очень хочется усомниться в подлинности всех этих 200 томов и многого другого, в оные не вошедшего. Но мне не хочется на старости лет прослыть психом или начать шататься по судам.

Поэтому я обращусь к книге [Фульд], в которой на стр. 53-54 описана эта история, и процитирую из его [раздела «Китай»](#) следующий заключительный пассаж:

«Попечительница (куратор) Британской Национальной Библиотеки (British-Library) дает следующую оценку: по ее мнению большую, подавляющую часть античных китайских рукописей, предлагаемых сегодня для продажи, составляют фальшивки.»

Возникает вопрос: а раньше продавались не фальшивки? А привозившиеся из Китая в течение четырех столетий старинные рукописи не были подделаны? Откуда это известно? Что служит доказательством подлинности многочисленных китайских «древних» рукописей, купленных в прошлые века десятками других знаменитых библиотек, музеев и университетов, сотнями коллекционеров? Ведь и ежу ясно, что в прошлом провести квалифицированную экспертизу предлагаемой музею или библиотеке рукописи было еще сложнее, чем в сегодняшней век электронных средств информации. Никакой уверенности в подлинности хотя бы одной «древней» китайской рукописи нет и быть не может.

В 1998 г., безуспешно путешествуя в течение трех недель по Китаю в поисках реальных, а не выдуманных следов великого китайского флотоводца начала 15-го века (скорее всего выдуманного от начала до конца – и это касается не только его биографии, но и всех его великих деяний, о которых я надеюсь рассказать в отдельной посвященной выдуманной истории Азии книге), я провел много часов в магазинах антикварной книги. Под стеклянными витринами там лежат десятки рукописей и мало от них отличающихся внешне «старинных» книг, относимых на написанных от руки ценниках к разным прошедшим векам. При сравнительно скромных ценах, рассчитанных на доверчивых западных туристах, все эти «сокровища» китайской словесности должны были давно быть куплены китайскими библиотеками или тайваньскими миллионерами. Но дело изготовления подделок под старину, очевидно, так хорошо поставлено, что витринам не грозит опасность опустошения и в далеком будущем.

Кстати Фульд в своей книге считает именно экспертов основными жертвами фальсификаторов. Последние внимательно изучают все написанное и опубликованное экспертами и мастерски вработывают в свои подделки именно эту «научную» информацию, так что эксперты часто с гораздо большей легкостью попадают на удочку авторов фальшивок, чем непрофессионалы. Именно с легкой руки «экспертов» все библиотеки мира и полны фальшивых старинных рукописей, не только китайских. Так что жертвы авторов подделок являются их основными – пусть тайными – союзниками и основными же виновниками наших абсолютно неверных представлений о китайском (и общечеловеческом) прошлом.

Историки-империалисты

Образы великих империй древнего прошлого сформировались в эпоху существования огромных колониальных империй типа Британской. Относительная легкость, с которой сравнительно небольшим государствам типа Великобритании и Голландии, Португалии и Бельгии удалось, используя колоссальное превосходство в технологии (например в технологии корабельного дела) и в вооружении, создать огромные колониальные империи с населением, в десятки раз превосходявшим таковое колониальных стран-захватчиков, привели историков к иллюзии о возможности столь же или даже более обширных империй в древности. В фальсификации древней истории, в ее выдумывании на ровном месте, мифические древние империи занимают доминирующее положение.

Историки-традиционалисты упустили такие немаловажные детали, как демографическую ситуацию отдаленного прошлого, отсутствие военных и коммуникативных технологий, непреодолимость тысячекilометровых расстояний по суше за короткие промежутки времени, отводимые полководцам древности далекими от практики историками, и невозможность захвата огромных защищаемых их жителями территорий в исторически незначительные времена.

Создание первых крупных империй типа османской, послужившей историкам образцом для фантазий о древних империях Востока, а затем и колониальных империй в Америке, Азии и Африке совпало с началом историографии. По традиционной версии истории колониальные захваты начались в конце 15 в., когда португальские мореплаватели под идейным руководством Генриха Мореплавателя начали осваивать западное побережье Африки. В самом конце века с ними стали конкурировать испанцы, стремительно расширявшие свои колонии в бассейне Карибского моря, а вслед затем и в разных частях американского континента.

Англичане вступили в конкуренцию за колониальное могущество с опозданием на 100-200 лет. Динамика возникновения гигантской колониальной Британской Империи подробно описана в книге Найала Фергуссона «Империя. Как Британия создавала современный мир.» (Penguin, London, 2004). Ее автор, будучи специалистом по финансовой и экономической истории, подчеркивает, что залогом невиданного успеха именно Британской колониальной Империи стала комбинация перечисленных выше технологических и военных факторов с искусным владением международной торговлей и финансовыми механизмами. Закрепиться на африканском побережье британцы смогли после 1562 г., занявшись сразу работорговлей на побережье Сьера-Леоне.

В Северную Америку англичане пытались проникнуть еще в 1584 г. В 1607 г. была основана колония Джеймстаун в североамериканской Вирджинии, а в 1620 г. корабль Мэйфлауер высадил большую группу английских колонистов в Массачусетской бухте. Они создали здесь порт Плимут. Через шесть лет последовало основание Нового Амстердама (сегодня Нью-Йорк). С 1612 г. Британии принадлежали имеющие важное стратегическое значение Бермудские острова, расположенные на подступах к Северной Америке.

В Центральной Америке Великобритания начала с того, что основала свои колонии на островах: на Барбадосе, Барбуде и Антильских островах (1627-1632). В 1655 г. англичане приобрели Ямайку и положили начало своим приобретениям и завоеваниям на материковой Центральной Америке. В 1662 г. британцы основали колонию в Белизе. В декабре 1663 г. английский капитан Генри Морган – многие считают его обыкновенным пиратом – совершил на небольших суденышках нападение на испанский форпост Гран Гренада, расположенный севернее Никарагуанского залива (??? Лаго де Н.), захватил его, разграбил и потопил все испанские суда. В последующие 7 лет он совершил большое

число успешных нападений на другие испанские форпосты и суда в открытом море. Далее он захватывает острова и участки суши, основывает первые плантации сахарного тростника. С 1687 г. восточное побережье Гондураса и Никарагуа вошло в английскую колонию Берег Москитов. Так, скромно и почти незаметно, началось создание Британской империи во второй половине 16-го и в 17-м веке.

Несмотря на болезненность потери североамериканских колоний, Британская империя достигла апогея своего размаха не до этого события, а после него: в начале 20 в. Тогда ее суммарная территория достигла почти 13 млн. кв. км. И если по территории она уступала и Российской империи, и Советскому Союзу, то по количеству населения существенно превосходила их. Еще в 1939 г. она насчитывала около полумиллиарда жителей в метрополии и колониях.

Географическая протяженность не имела себе подобной в истории. От Ирака, Трансиордании и Палестины через Египет и Судан в Северной Африке, Уганду, Кению и Танганьiku в Экваториальной и до Северной и Южной Родезии, и всех Южноафриканских колоний она непрерывным поясом шла с Севера на Юг. В Африке она также включала Нигерию и Сьера-Леоне. Гамбию и Сомали, а на Аравийском полуострове почти все приморские эмираты. Если к этому добавить в Азии Малайзию, Бирму и Индию, стратегически важные порты Сингапур и Гонконг, многочисленные острова по всем океанам, Австралию и колонии в Южной Америке, то мы получим картину мировой империи, единственной в своем роде.

Однако не следует забывать, что процесс создания империи длился более трех столетий: хотя британцы и переняли Бомбей от португальцев в 1661 г. и обосновались в Мадрасе в 1639 г. и в Калькутте в 1698 г., покорение Индии длилось еще и во второй половине 19-го столетия, а война за южную часть Африки велась еще и в 20-м веке. Историки же создают мировые империи на бумаге, отводя на их сколачивание немногие годы в условиях практического отсутствия морских коммуникаций и при приблизительном равенстве в прокламируемом уровне вооружения у покоряемых и покорителей. Преимущество даваемое артиллерией и флотом не идут ни в какое сравнение с преимуществом, основанном на владении железом или бронзой. Успех Великобритании базировался на доминирующем положении британского флота во всем мире и военном превосходстве, которое невозможно представить себе для виртуального Древнего Мира.

Впрочем история реальных империй учит еще одному обстоятельству: сохранение империи в течение многих столетий – нелегкая задача, требующая постоянного развития технологий (в том числе и технологии управления), так что, например, длительное существование сначала Римской, а затем Византийской империй уже с этой точки зрения представляется фантастическим.

В книге Андрей Шарый «После дождя. Югославские мифы старого и нового века», НЛО, Москва, 2002 следующее место (см. стр. 50) достойно, как мне кажется, комментария:

«В Австро-Венгрии, великой по прежним временам стране, многое было противоречивым и неестественным, и развалилась страна, как кажется, в первую очередь от собственной тяжести, под грузом внутренних проблем. В конечном счете – от дряхлости династий. История, похоже, не любит многонациональные федерации. Но веками выстраиваемая схема сосуществования под одним скипетром десятка разных народов была не лишена достоинства. Товарищ Тито, например, так сказал однажды об Австро-Венгрии: «Хорошо налаженное было государство!»»

Зато в выдуманных историками великих империях прошлого ничего противоречивого и неестественного оные не замечают. В той же, хотя бы, древнеиндийской империи Мауриев (явной кальки с империи Великих Моголов, мусульман и, следовательно, «мавров»), объединившей под своей властью якобы почти весь Индийский полуостров. Да в ней не только постулируется сосуществование «под одним скипетром десятка разных народов» и «различных по языку, государственному строю и уровню общественного развития племен и народностей».

Речь идет даже о включение в эту империю многочисленных республиканских государственных образований (см. стр. 98-99 в книге «Индия и античный мир»), мощь объединений которых Мауриям и их предводителю Чандрагупте так и не удалось сломить, и о сохранении ими довольно значительной автономии. Так зачем же «неодолимым в своем сплочении» республиканским объединениям древней Индии было лезть в мифическую империю Мауриев, всем своим духом несовместимую с республиканской идеологией и практикой?!

Замечание о дряхлости династии оставим на совести автора: куда как дряхлее представляются многочисленные выдуманные династии древности, населяющие мириады книг с милостивой руки историописцев. А уж многонациональности во всех выдуманных империях прошлого хоть отбавляй. Что же до цитаты из одного из коммунистических диктаторов. то как раз с нею-то все ясно: любая некоммунистическая империя существовала более осмысленным образом, чем так называемые социалистические. И налажены они были на порядок лучше, чем даже самая успешная из авторитарных социмперий, коей и была в свое время небольшая по размеру титовская Югославия.

Фальшивая история преследования ведьм.

Каждый хороший историк должен был бы быть критиком истории, ее критическим аналитиком. И многие хорошие историки именно в таком амплуа и проводят свои исследования. Их отличие от работающих в рамках исторической аналитики – если отвлечься от произносимых ими время от времени идеологических заклинаний в верности истории как религиозной системе - сводится практически только к нежеланию заниматься сложными хронологическими вопросами. Устоялась как-то традиционная хронология и пусть себе будет такой, какая есть: лезть в нее может только сумасшедший. Ведь в ней и ноги поломаешь, и без головы останешься. А когда отдельные смельчаки все-таки лезут в эти непролазные дебри, то срабатывает инстинкт «бей чужих», о котором Блез Паскаль хорошо написал в своих «Мыслях»:

- «За что ты меня убиваешь?»

- «Как за что? Друг, да ведь ты живёшь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь был бы злодеем, совершил бы неправо дело, если бы убил тебя, но ты живёшь по ту сторону, значит, дело моё правое, и я совершаю подвиг».

Сами же историки и докопались до того, что еще одна глава истории оказалась полной фальшивок: массовое преследование ведьм в средние века. Историкам казалось естественным представлять массовое преследование т.н. «ведьм» в эпоху Возрождения и в последующие «просвещенные» века в качестве пережитка средневекового мракобесия, ими же в свое время и выдуманного (не то что не было мракобесия, но оное в свое время столь плавно перешло в таковое эпохи Возрождения, нового времени и затем 20-го века, что прилагательное «средневековый» выглядит анахронизмом). В статье «Ведьма в деревне и перед судом (народная и ученая традиция в понимании магии)» известный советский историк А.Я. Гуревич пишет:

«Сравнительно недавно было показано, что использованные в свое время Ганzenом и Зольданом (см. [Ганzen1 и 2], [Зольдан]) свидетельства о массовых расправах над ведьмами, якобы имевших место в конце XIII и середине XIV в., не что иное, как фальшивки, сфабрикованные в XV, XVI и в начале XIX в.»

Здесь слово «якобы», которым мы вынуждены так часто пользоваться в историко-аналитических разоблачениях, применено Гуревичем в точности в том контексте, в котором оно все время встречается в исторической аналитике!

В результате существования этих фальшивок, фабриковавшихся с завидным постоянством как-никак в течение половины тысячелетия, полностью, как подчеркивает Гуревич, была искажена картина преследования «ведьм». Массовая охота на ведьм, развернувшаяся с конца XVI в., т.е. с конца Ренессанса, была представлена как явление, восходящее к совсем другой исторической эпохе. Это – излюбленный прием историков: отправлять в запредельно дальнее прошлое все те явления недавнего времени, которые или могут опорочить репутацию верхних слоев общества, или не в состоянии оправдать действия оных без искусственного создания тысячелетней или вековой квази-традиции.

Таким образом, созданные в конце 19 и начале 20 теории о том, что преследование ведьм – это пережиток мрачного Средневековья, а Возрождение – это светлая эпоха развития наук и культуры, возникновение и развитие нового прогрессивного духа, оказалось, согласно Гуревичу, несостоятельными. Оценивая в этой связи творчество своих коллег по цеху исторической болтовни, Гуревич использует для них крайне нелестные оценки:

- Принятие желаемого за действительное
- Режут по живому, игнорируя очевидные связи
- Применяют произвольный, механический подход.

Согласно Гуревичу на период позднего Возрождения, барокко и даже начало Просвещения приходится подъем демонологии и демономании, трудно согласуемый с традиционными представлениями о двух тысячелетиях существования христианства, о том, что оно с середины первого «христианского» тысячелетия массово распространялось в Европе, а к началу второго такого тысячелетия практически победило на всем континенте за исключением редких очагов языческого упрямства типа острова Рюген на севере Германии.

Среди демонологов мы находим немало гуманистически образованных людей, писателей и философов. Для тех, кто интересуется творчеством Жана Бодена – одного из первых теоретиков историографии - будет особенно интересно узнать, что он не только верил в могущество и злокозненность ведьм, но и с воинствующим радикализмом, достойным лучшего приложения, требовал не только жесточайших наказаний для самих ведьм, но и для всех тех, кто сомневался в справедливости их преследования. О нем, как об авторе книги, которую Гуревич называет «Демономания», переводчица и редактор книги Бодена «Метод легкого познания истории» на русский М.С. Бобкова пишет в приложении к этой книге:

«он с 1575 по 1580 г. присутствовал более чем на 150 заседаниях судов по обвинению в колдовстве и внимательно изучал материалы судебных разбирательств по этой категории дел, хотя сам он не раз обвинялся в приверженности и распространении еретических учений и в занятиях магией. Этот опыт Боден использовал при написании своего трактата "Демономания колдунов" (1580), который считается самым темным местом, "позорным пятном" в творческом наследии Бодена. Это сочинение пришло на смену печально известному "Молоту ведьм". Отметим, что

именно поэтому в сознании многих современных историков имя Бодена ассоциируется с мракобесием средневековья»

Конец 16-го века и средневековье!? Да ведь это уже конечная фаза Возрождения – эпохи гуманизма! Как мы видим, Бобкова полностью находится в плену неверных представлений о времени, когда началось и набрало силу преследование ведьм, фальшивый характер которых отмечает Гуревич. А что до современных историков, то им хорошо бы перестать применять к прошлому современную мораль и современные и не совсем уже современные представления. В свое время на подобного рода осуждениях строилась советская идеология. Сегодня типологически эквивалентный советскому образ мышления бросает историков в бессмысленные вербальные атаки против историко-хронологического инакомыслия.

Гуревич отмечает, что преследование ведьм в эпоху гуманизма было делом «широких кругов общественности». Впрочем, ни Гуревич, ни западные исследователи проблематики массового жестокого преследования ведьм, так и не докопались до истинных причин этого общественного явления, вскрытого в рамках исторической аналитики немецким профессором Гуннаром Хайнзоном. Согласно Хайнзону, написавшему в 1885 г. с соавтором Отто Штейгером крайне интересную книгу «Уничтожение мудрых женщин», катастрофа середины 14 века и связанная с ней черная смерть (считается эпидемией чумы) существенно сократили население Европы и сместили на 1000 км на юг границу прорастания злаковых и винограда. В результате возникла нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве и во многих других областях (армия, ремесленничество и т.д.) и церковь вместе с феодалами начала проводить в принудительном порядке новую экспансионистскую демографическую политику.

Свободная женщина языческого общества сама решала, сколько детей ее семья может прокормить (и в скольких наследниках она нуждается) и обладала правом предохраняться от нежелательных беременностей, делать аборты и даже умерщвлять излишних детей, если они все-таки появлялись на свет. Мораль дохристианского свободного общества не видела во всем этом никакого преступления. И в предохранении, и при прерываниях беременности важную роль играли т.н. ведьмы – мудрые женщины, селившиеся на окраинах деревень или на лесных полянах, где они выращивали, собирали и обрабатывали лечебные травы. Накопленные знания о травах передавались из поколения в поколение. Новая христианская мораль объявила все это преступлением, начала охоту на ведьм, старалась низвести женщину до положения родильной машины.

Элементом сельской жизни средневековья был также черт. Так называли получавших незначительную поддержку общины мужчин, чаще всего инвалидов, не способных заниматься сельскохозяйственными работами, которые до распространения колоколов исполняли функцию передачи и приема сигналов. Разжигая костры на холмах или специально построенных сигнальных башнях, они передавали при помощи дымовых и световых сигналов важные сообщения соседним поселениям. Жили они чаще всего в лесу, где душа не было, так что выглядели так, как мы себе и сегодня представляем черта. Так как многие из них прирабатывали производством древесного угля, то вымазанность сажей была профессиональной особенностью чертей.

У живших часто по соседству ведьм (мудрых женщины) и чертей (сигнальщиков и сторожей) часто возникали разного рода контакты, от «выпить по поводу» или просто повеселиться и потанцевать (шабаш ведьм с участием чертей) до сексуальных контактов. Особенно в последних преследовавшие ведьм трибуналы охотно обвиняли хранительниц тайн народной медицины, связывая образ черта с образом дьявола (традиционные контакты с чертом возводятся в ранг пакта с дьяволом), который проник в народное сознание вместе с распространением на самом деле чуждого средневековью христианства. Гуревич пишет о том, что и в конце эпохи Ренессанса, и в новое время

западноевропейское духовенство неоднократно констатировало отсутствие самого элементарного представления о христианском учении у простого люда. Бесчисленное множество детей и взрослых не знали ничего о единобожии, святой Троице, даже о Христе. Он говорит о религиозном невежестве и плохо скрытом язычестве многих номинальных христиан. И это после выдуманной ТИ тысячелетней христианской жизни в Западной Европе!

Гуревич приводит разные относящиеся к XVI и XVII вв. случаи неразвитости христианского самосознания, отмечая, что аналогичные примеры легко можно найти и для средних веков. Все это хорошо укладывается в представления исторической аналитики о позднем возникновении христианства и о его первичном состоянии (без Библии и реальной власти церкви) в начале 16-го века. Гуревич описывает в качестве особенно поразительного случая культ святого Гинефора, борзой собаки, некогда по ошибке убитой ее хозяином — владельцем замка, с которым столкнулся якобы около 1260 г. инквизитор-доминиканец Этьен де Бурбон в сельской местности неподалеку от Лиона. Инквизиция в 13-м веке – явное следствие хронологической неразберихи в ТИ: никакой католической церкви тогда еще не существовало. Суть культа была в том, что крестьянки приносили на могилу славившегося как исцелителя святого Гинефора больных детей в надежде на их выздоровление. Известно, что слюна собак обладает бактерицидными свойствами, а общение с ласковой собакой оказывает исцеляющее воздействие на психику. Доминиканец, якобы, запретил воспринятый им как нечестивый культ, но тем не менее, «шесть веков спустя, в 1879 г., лионским любителем старины было обнаружено, что крестьяне из той же местности все еще поклоняются святому Гинефору, зная, что это — борзая.» (стр. 28-29).

«Христианские проповедники и моралисты во все времена были склонны жаловаться на упадок или недостаток веры прихожан, на их суеверия и несправедливое поведение. Однако данные о состоянии религиозности масс Западной Европы в XV—XVIII вв. говорят о большем, нежели об отсутствии у них благочестия и знания слова божьего. Самое содержание их представлений о сакральном было в высшей степени противоречивым, если применять к нему евангельские стандарты. Крестьяне и горожане действительно подчас не знали элементарных основ христианской религии и воспринимали учение церкви, вернее, обрывки его в интерпретации малограмотных в своей массе духовных наставников, в контексте мифомагической, хтонической (хтонические божества — это обитающие в глубине Земли божества в противоположность небесным, ураническим божествам; хтонические божества дарят жизнь и плодородие, но они же олицетворяют темные силы подземного мира и мира мертвых - Е.Г.) анимистической картины мира, традиционно присущей аграрному обществу.»

Вслед за этим Гуревич задает вопрос «Было ли вызвано это состояние умов деградацией христианства, наблюдаемой в конце средневековья, как полагают некоторые историки?», на который отвечает отрицательно даже в рамках традиционных исторических представлений. Историческая аналитика тоже дает отрицательный ответ на этот вопрос, но исходит при этом из возникновения известной нам формы христианства после 1500-го г. Гуревич косвенно подтверждает эту позицию критических исследователей, когда рассказывает о том, что ряд исследователей в 20-м веке подчеркивал, что и Мартин Лютер, и Игнатий Лойола (вожди реформации и контрреформации) исходили из представлений о народных массах как о нехристианизированных людях, которых еще предстоит превратить в христиан. Согласно этим исследователям, в мнении которых Гуревич усматривает долю истины, «подлинная христианизация западноевропейского христианства» произошла только в конце 16-го века и в 17-м веке, а Реформация и

Контрреформация энергично боролась с языческими представлениями, которые якобы была вынуждена терпеть выдуманная средневековая христианская церковь.

Я вынужден отложить более подробный анализ названной выше теории Гуннара Хайнзона о ведьмах как мудрых женщинах, стоявших на пути у бесчеловечного прогресса, несущего миру уничтожительную демографическую динамику, до следующей книги. Пока же отмечу, что Бобкова, скорее всего права, когда пишет далее о трактате "Демономания колдунов" Бодена:

«Очевидно, это произведение объясняется особенностями самой эпохи. "Вера, замкнувшаяся в догме, таит в себе понятие невозможного". Натурфилософия в том виде, в каком она существовала в XVI в., включая в себя и добытые опытом истины, открытые, например, Парацельсом, и сведения о столовращениях и порче, считала все возможным. Нельзя отрицать истинность факта, по мнению Бодена, если он очевиден, хотя не поддается объяснению. И если явление колдовства невозможно понять, то факт его существования установлен уже три тысячи лет назад (вот она выдуманная хронология! – Е.Г.). Боден при объяснении колдовства часто использует свои знания по метафизике, алхимии, медицине, физике. Рационалистический подход к миру создал основу для возникновения предрассудков и суеверий на основе реальных фактов. Отсюда проистекала строго регламентированная, подобно точным наукам, магическая практика, которую можно было изучить для того, чтобы управлять сверхъестественным. Это Боден и попытался проделать в своем трактате о демономании. (стр. 346)

С другой стороны, объяснять можно все на свете. И по-разному. Например боязнь собственного преследования по обвинению в магии или в приверженстве к тайному иудейству, о котором тоже как об установленном факте пишет Бобкова. Но фактом остается участие Бодена и более поздних историков, придумывавших преследование ведьм в средние века, в фальсификации истории. И тесно связанное с этим фактом искусственное удлинение истории христианства на лишнее тысячелетие «с хвостиком».

Историки – фальсификаторы с точки зрения современного историка.

Многие книги по истории историографии читаются как черные списки исторических фальсификаторов. Интересно, что большинство историков не хочет ничего знать о подобных черных списках, внушив себе спасительную идею о том, что фальсификация в истории – явление частное, интересное только для специалистов в этой узкой области. У нас, мол, как и в полиции есть небольшой криминологический отдел, но большинство историков (как и полицейских) занято рутинной работой и о работе коллег-криминологов узнают только изредка из передач по телевидению.

В книге Бернара Гене «История и историческая культура средневекового Запада» (Языки славянской культуры, Москва, 2002) автор неоднократно вынужден признавать распространенность исторических подделок в средние века. Особой пикантностью отличается его признание в том, что авторами многих подделок были ... сами историки, причем это были не единичные случаи, а общий результат своеобразного понимания историками своего призвания вещать истину о прошедшем:

«Основная проблема состоит в том, что культурная элита, к которой принадлежат историки, в принципе всегда отличала правду от лжи, настоящее от поддельного и осуждала ложь и подделку. (Блажен, кто верует – Е.Г.) И даже если столь многочисленные подделки — дело рук ничтожных бессовестных клириков, то очевидно тем не менее, что бесчисленные документы, которые мы считаем поддельными, были изготовлены в превосходных исторических

мастерских. (В которых и работали ничтожные бессовестные клирики? Выделение мое – Е.Г.).»

Энеа Сильвио Пикколомини (якобы 1405-1464), будущий папа Пий 2-й, сам разоблаченный западной исторической аналитикой как активнейший фальсификатор, автор историко-географических книг «Европа» и «Азия», тоже считается выдающимся историком. Он же автор культурно-исторического описания Базеля и описания Базельского Вселенского Собора. Свои ценящиеся как историческое произведение мемуары он озаглавил как «Комментарии». Если об его «Истории Австрии» Вайнштейн и не делает никаких критических замечаний, то про «Историю Чехии» прямо заявляет, что большую часть этой книги составляют «фальсифицированные сведения о гуситском движении».

Так вот, Пикколомини утверждал якобы в 1453 г.: «Не следует непременно верить всему написанному». Исходил ли он из знания о своем собственном историческом творчестве (Топпер упоминает осуществленную Энеа Сильвио - он же Пий 2-й - фальсификацию писем своего якобы предшественника в списке Пиев: выдуманного им самим папу Пия 1-го, а также о подделке им многих документов, связанных с собственной биографией)? Или он, как и многие современные ему гуманисты, имел в виду средневековые якобы авторитеты, писания которых отвергались или признавались фальшивками в рамках общего скептического отношения гуманистов ко всей средневековой письменной традиции, о которой рассказывает Вайнштейн на стр. 244?

Гене называет в разделе «Подлинное и поддельное» поименно отдельных историков, активно участвовавших в выдумывании, сочинении и фальсификации истории. Вот некоторые из его примеров:

1. *«Альдрик, исповедник Людовика Благочестивого, с 832 по 857 год был епископом в Ле-Ман. Он организовал группу клириков, которые создали два превосходно написанных исторических сочинения: Gesta Aldrici и Actus pontificum Cenomanis in urbe degentium. В обоих сочинениях цитируются тексты многочисленных документов, которые, очевидно, тоже были составлены эрудитами города Ле-Ман и которые, как нам давно известно, являются подделкой. Впрочем, уже в 863 году королевский двор объявил поддельными документы, которые Альдрик составил во время одного судебного процесса.»*
2. *«Адам Бременский был крупнейшим историком второй половины XI века, известным своей безупречной эрудицией. Но Бремен в его время был огромной мастерской! фальшивок, и, как показывает текстуальный критический анализ, Адам не остался в стороне и принимал активное участие в изготовлении этих фальшивок.»*
3. *«Церковь Христа в Кентербери в начале XII века изготовила множество фальшивок, о которых нам теперь известно, что они делались под руководством выдающегося историка Эадмера.»* (А его «История новых времен» использует в качестве источников 10 фальшивых документов, якобы найденных автором – Е.Г.)
4. *«Немного позже жил великолепный историк Уильям из Мальмсбери. В пятой книге своего труда Gesta Pontificum Anglorum он дословно приводит хартии, находившиеся во владении аббатства Мальмсбери, которые эрудиты Нового времени признали поддельными, во всяком случае, в той форме, в которой мы их знаем.»*

Даже, если отвлечься от подозрения исторической аналитики о выдуманности всех этих историков, о создании приписываемых этим фиктивным лицам произведений в эпоху ренессанса, или, в крайнем случае, о перенесении некоторых из творивших в эпоху гуманизма историков на многие века ближе к основанию мира (в наказание за какие грехи? За отдельные еретические высказывания?), возникает вопрос о том, а может ли Гене с уверенностью назвать хотя бы одного историка, не занимавшегося писательскими фантазиями на ниве моделирования прошлого?

Список Гене можно продолжать до бесконечности. Например Леонардо Бруни (якобы 1369-1444), написавший «Комментарии к событиям своего времени» и «12 книг Флорентийских историй», которого Вайнштейн считает первым подлинным историком среди гуманистов, без зазрения совести кроил и перекраивал историческое произведение, которое сегодня проходит по разряду книги Прокопия «Готские войны», которое и опубликовал под своим именем. Скорее всего его «переводы с греческого (например биографии Цицерона, якобы написанной Плутархом), были сочинены им самим и представляют собой выдумки на тему «как могло бы быть то, о чем мы даже не знаем, было ли оно». Вайнштейн называет в числе фальсификаторов, старавшихся внедрить в сознание современников фальшивые документы и факты, призванные подтвердить права церкви и ее привилегии, наряду с Адамом Бременским,

1.

- Ламперта Герсфельдского, автора «Анналов»
- Льва Марсиканского, автора Монтекассинской Хроники, и
- Петра Диакона, продолжателя этой хроники, которого Цезарь Бароний еще в 17-м веке назвал наилживейшим автором-историком.

Во всяком случае, Гене, понимая трудность составления полного списка историков-фальсификаторов, делает большой скачок в своем перечислении и решает обратиться к самому концу описываемого им периода средневековья, конец которого по его представлениям охватывает и большую часть эпохи гуманизма. Из этого конца средневековья он приводит еще два примера:

1. *«Джованни Нанни славится тем, что в 1498 году сформулировал несколько критических правил, о которых я говорил выше. Но мы обязаны ему также и многими поддельными текстами и надписями, которые изготовил он сам.»*
2. *«В самом начале XVI века, наконец, Иоанн Тритемий упоминает труд историка Мегинфрида, чтобы доказать, каким важным очагом культуры был в Средние века город Хириау, и труд Хунибальда — чтобы доказать императору Максимилиану, что его род происходит из Трои. Но сами имена Мегинфрида и Хунибальда родились в воображении Иоанна Тритемия.»*

Свой список он заключает заявлением, которое вполне мог бы сделать самый что ни на есть радикальный представитель исторической аналитики:

«Короче, приходится признать, что на протяжении всего Средневековья сами же ученые часто изготовляли то, что мы называем фальшивками, и это было обычным явлением.» (стр. 169-170)

Впрочем, если верить ТИ, традиция сия возникла задолго до средневековья: римские писатели ругали греческих. Например, согласно Вайнштейну, Цицерон, а позже Сенека, Ювенал и многие другие римские авторы, критикуя греческих историков, «преувеличивают их недостатки, обвиняют их в лживости и злоупотреблении «поэтическими вольностями»» Так, Ювенал ничего не усмотрел в греческих трудах по истории, кроме лжи и обрушивался на тех, кто «... верят всем басням Греции лживой» (Ювенал. Сатиры. Пер. Г. С. Недовича и Ф. А. Петровского. М.—Л., 1937, стр. 79). Иосиф Флавий в речи «Против Аниона» пишет, что греческие историки «просто выдают за факты свои собственные вымыслы» и больше всего стремятся не к истине, а к художественности изложения (стр. 34)

Между тем такой суровой критики в не меньшей степени заслуживают и римские историки, включая и наиболее выдающихся — Саллюстия, Тита Ливия, Тацита и Светония.

«Для них характерно прежде всего то, что они считают для себя необязательным обращаться к первоисточникам (библиотеки очень часто закрывали на ремонт из-за выхода из строя сантехники! – Е.Г.), а очень часто берут материал из вторых и третьих рук и притом без всякой критики. К тому же они пренебрегают точным воспроизведением документальных источников (архивные работники, подстрекаемые профсоюзами, все время бастовали! – Е.Г.), переделывая их в интересах стилистического единства своих произведений, либо, если эти источники изданы (массовым тиражом, конечно – Е.Г.), совсем их не приводят. Так, Саллюстий не дает ни одной из речей Цицерона, опубликованных (в каком издательстве !!! – Е.Г.) к его времени, а Тацит весьма неточно, с существенными пропусками, цитирует речь императора Клавдия в сенате, в чем его уличает обнаруженный только в XIX в. текст этой речи, вырезанный на бронзовой доске (алмазным, резцом или при помощи иной изобретенной в 19-м веке техники? – Е.Г.)» (стр. 34-35).

А историографию последних веков Римской империи характеризует унылая пустыня компиляций, фальсификаций и плагиатов (стр. 38)

Вся средневековая историография выдумана как утверждал еще Ардуэн и убедительно показал Топпер в своей «Выдуманной истории Европы» Сфальсифицированной является и документальная основа средневековья. Доказательству этого утверждения посвящены работы Вильгельма Каммейера, которые мы ниже коротко рассмотрим.

Вайнштейн (стр. 88 и далее) признает, что специфические якобы условия работы средневекового историка содействовали безнаказанному искажению одних фактов, вольному обращению с другими, проникновению в исторические труды фантастических измышлений, подложных документов и т.п. Немецкий историк Эллингер собрал образцы лжи в анналах и хрониках 10-го, 11-го и 12-го веков. Правда, фальсификация истории и ее источников производилась не менее часто и до, и после 10-12 веков.

Я не хочу здесь останавливаться на самом распространенном вранье средних историков: их рассказах о чудесах, знаменьях, вещих снах или о фальсификациях реликвий (аналог сегодняшней фальсификации музейных экспонатов), но подчеркну, что Топпер в своей книге «Исследование развития исторической науки» (1911), обобщая сказанное о средневековой историографии, приходит к выводу, что «не видно конца фальсификациям истории!». Широко была распространена фальсификация по умолчанию, используемая историками и по сей день. Чем, как не фальсификацией истории

историографии является замалчивание многовековой истории исторической критики подавляющим большинством историков?!

«Что касается фальсификации истории при помощи различных легенд и измышлений самих авторов», то при подборе примеров голова начинает кружиться из-за обилия материала. Вайнштейн приводит примеры из Павла Диакона и добавляет, что «самым разительным примером превращения истории в сплошное собрание вымыслов является «История британских королей» Джоффри Монмаутского», написанная якобы около 1377 г. и пользовавшаяся огромным успехом. Ее много цитировали, добавляя каждый раз новые байки в зависимости от цели очередной фальшивки: в основном для обеспечения притязаний церкви на земли и иные владения. Именно «Историю британских королей» Вайнштейн считает «грандиозной исторической фальсификацией», перед которой бледнеют все другие вымыслы историков. Подобные вымыслам:

- Матвея Парижского (умер около 1259), который приводит вымышленные факты, продиктованные его политическими взглядами и религиозными предрассудками, например об истории ислама, в том числе и байку о том, что Магомет однажды так напился, что упал без сознания на навозную кучу и свиньи его разорвали на части (этим мол объясняется мусульманский запрет на свинину и (?) вино)
- Роберта Лондонского, который был по мнению Клода Дженкинса, согласно заявлению, сделанному в его книге 1922 г., ужаснейшим лгуном.
- Названного выше Ламперта Герсфельдского, который фальсифицировал рассказ о свидании в Каноссе

«Тенденциозные измышления и искажения исторической действительности нетрудно обнаружить и во многих других хрониках, пользующихся репутацией правдивых». А, может быть, они правдивы только в том смысле, что вписались в неверную модель прошлого под названием ТИ? Чтобы сделать исторические произведения более занимательными, их снабжали баснями и анекдотами о придворных, рыцарях и других действующих лицах повествования. Эти, порой весьма фривольного свойства, выдумки фальсифицировали историю не менее сильно, чем выдумки на основании желания прослыть патриотом, добиться расположения светского или церковного феодала, угодить некой группе или представить в унижительном виде противников. В общем, средневековый историк не видел разницы между подлинным фактом и стопроцентным вымыслом.

О мотивах авторов подделок

Даже в естествознании, где разоблачение подделок упрощается экспериментальным характером соответствующих наук, мы все время наблюдаем появление фальшивок разного рода. Разоблачению этих подделок и причин, по которым наука в некоторых случаях цепляется за подделки, посвящена обширная литература. Так, сравнительно недавно с большим успехом продавалась книга Фредерико Ди Троччио «Большое мошенничество. Обман и фальсификация в науке.» (Милан, 1993). Автор ее – итальянский профессор по истории техники и главный редактор итальянской энциклопедии, - видит элементы мошенничества и у составителей каталога звезд, известного как «Альмагест» Птолемея, и в работе великих физиков Галилея и Ньютона, и у некоторых нобелевских лауреатов 20-го века.

Многочисленные скандалы с разоблачением мошенничества связываются с медицинской наукой. В течение десятилетий печатаются сообщения о сенсационных успехах в борьбе с раком, а воз и ныне там. Ди Троччио видит одну из причин такого положения в том, что современная наука требует от исследователей демонстрации успехов, а обильно представленные в ней посредственности в состоянии придумывать успехи, но не

добиваться их. Вот они и идут по пути мошенничества в надежде на то, что никто не будет перепроверять их «успешных» якобы опытов.

Конечно, и конкуренция за исследовательские средства тоже побуждает ученых сочинять фантастические результаты, чтобы получить финансирование на дальнейшее содержание штата сотрудников. Да и простое честолюбие толкает ученых часто на этот вроде бы более легкий путь, чем кропотливая исследовательская работа.

Часто в основе обмана лежит шутка. Некто хочет разоблачить невежество и легкое верие своих коллег и подбрасывает им высохший труп на край ледника. Но ученые с такой звериной серьезностью набрасываются на приманку, так массивно начинают ее прославлять как сенсацию в науке, что у автора розыгрыша не хватает мужества публично признаться в своем первоначальном замысле.

Разоблачители подлогов в науке нередко используют свое знание материи для того, чтобы обманывать научный мир еще более изощренными подделками. Вот и книга современного американского историка эпохи Возрождения Энтони Грэфтона на тему о фальсификации истории носит весьма широко звучащий заголовок «Фальсификаторы и критики. Обман в науке». Его основной тезис сводится к тому, что мошенничество в науке во все времена было тесно связано с критикой научного обмана и фальсификаций. Вроде бы в науке происходит постоянная борьба между критиками и фальсификаторами. На самом деле же борьба идет за право быть нераскрытым автором подделок. Критики пытаются найти признаки, по которым подделки раскрываются, часто не для того, чтобы восторжествовала истина, а для того, чтобы научиться избегать провалов в собственных акциях по фальсификации. И чтобы завоевать признание как авторитеты в вопросе о том, что верно, а что фальшиво, которых все боятся и с которыми никто не решается тягаться на данную тему.

Да и куда деваться историкам? Что им делать, как не придумывать виртуальное прошлое? Где нет никакой достоверной информации, там есть только один путь: выдумывать ее. И историки шли по этому пути столетиями, пока не сфабриковали необычайно запутанного монстра, который и выдается ими по сей день за модель нашего прошлого. Монстра, повивальными бабками которого были фальсификация, ее критика и успешное ее преодоление путем замалчивания большей части критики.

Литература

[Анвандер] Anwander, Gerhard: Wibald von Stablo - Hans Konstantin Faußner: Mutiger Forscher entlarvt genialen Fälscher, Zeitensprünge, 3/2003.

[Гуревич] Гуревич, А.Я.: Ведьма в деревне и перед судом (народная и ученая традиция в понимании магии), в сб. «Языки, культуры и проблемы переводимости, Наука, Москва, 1987, стр. 12-46.

[Ганзен1] Hansen J., Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter und die Entstehung der großen Hexenverfolgung. Mü./Lpz., 1990

[Ганзен2] Hansen J., Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter, Bonn, 1901

[Гене] Гене, Бернард: История и историческая культура средневекового Запада, Языки славянской культуры, Москва, 2002.

[Зольдан] Soldan-Heppe, Geschichte der Hexenprozesse, 3. Aufl. von M. Bauer. Mü, 1911, Bd. 1-2.

[Кон] Cohn N. Europe's Inner Demons, London, 1975, p. 164.

[Риттер] Ritter, Moritz: Studien über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. HZ, Bd. 107, 1911.

[Ди Троцchio] Di Trocchio, Ferderico: Der große Schwindel. Betrug und Fälschung in der Wissenschaft, Rohwolt, Hamburg, 1999 (Le bugie scienza, Perché e come gli scienziati imbrogliono,Arnoldo Mondadori, Milano, 1993.)

[Фаусснер1] Faussner, Hans Constantin: Die Königsurkundenfälschungen Ottos von Freising aus rechtshistorischer Sicht., Sigmaringen, Thorbecke, 1993.

[Фаусснер2] Faussner, Hans Constantin: Königsurkundenfälschungen Wibalds von Stablo im bayerisch-österreichischen Rechtsgebiet. Sigmaringen, Thorbecke, 1997.

[Фаусснер3] Faussner, Hans Constantin: Wibald von Stablo. Hildesheim, 1997. Erster Teil: Einführung in die Problematik

[Фульд] Fuld, Werner, Das Lexikon der Fälschungen. Fälschungen, Lügen und Verschwörungen aus Kunst, Historie, Wissenschaft und Literatur. Eichhorn.Frankfurt am Main, 1999.

[Фергусон] Ferguson, Niall: Empire. How Britain Made the Modern World, Penguin, London, 2004

[Эллингер] Ellinger, G.: Das Verhältnis der öffentlichen Meinung zur Wahrheit und Lüge, 1884, S. 78f.

Additional information

- [Начало](#)
- [Форумы](#)
- [Статьи сайта](#)
- [Поиск в архиве](#)

- [Немецкая страница](#)
- [Übersetzung / Перевод](#)

Запомнить меня

Войти

- [Забыли данные входа?](#)
- [Регистрация](#)

Последние статьи

- [Петрарка, Данте и Фома Аквинский: "великие умы" раннего средневековья](#) Автор: Пфистер, Кристоф 04 авг 2015
- [Сальвадор Дали и «Сад земных наслаждений» Босха](#) Автор: Ал. Незванов 17 июнь 2015
- [Котельников А.Л. "Аутлуков про Змиевы валы"](#) Автор: Kotelnikov 13 июнь 2015
- [А. Г. Степаненко. Проблемы научных открытий](#) Автор: chispa1707 11 июнь 2015
- [Г. Каспаров. Старой истории - шах и мат](#) Автор: Super User 27 мая 2015

Популярные статьи

- (23873) [Герасимов. Реальная история России и цивилизации](#) Автор: Admin -- 03 янв 2009
- (12853) [Родственные сайты](#) Автор: Admin -- 15 апр 2009
- (11537) [Уве Топпер. ВЕЛИКИЙ ОБМАН. Введение, Предисловие, Главы1-4](#) Автор: Уве Топпер -- 29 янв 2009
- (11349) [Катастрофа середины 14-го века и европейская историческая идея](#) Автор: Admin -- 04 дек 2008
- (9838) [Габович-Пред. - Глава 11. Лунные календари и лунная хронология](#) Автор: Admin -- 10 дек 2008